

**АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ОТЧЕТ
о выполнении Таджикистаном**

**Конвенции ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации в связи
с рассмотрением 9-11 периодических докладов РТ за 2012-2015 гг.**

Кишлак Абдулобод Гиссарского района, где компактно живут джуги, лишен водоснабжения. Дети-джуги вынуждены ходить за водой далеко от дома. 2017.

**ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ТАДЖИКИСТАНА,
НЕ ОБЛАДАЮЩИЕ СВОЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬЮ
(памирцы, джуги, ягнобцы):
ОТ НЕПРИЗНАНИЯ К ДИСКРИМИНАЦИИ**

Для 93-й сессии КЛРД ООН, 31 июля-11 августа 2017 года

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В предлагаемом отчете Антидискриминационный центр «Мемориал» (правозащитная организация, защищающая права дискриминируемых меньшинств, мигрантов и других уязвимых групп) — рассматривает проблемы некоторых этнических меньшинств Таджикистана, не обладающих (в отличие, например, от узбеков, кыргызов или русских, тоже живущих в Таджикистане) своей государственностью: джуги, памирцев, ягнобцев.

Положение, занимаемое этими меньшинствами в таджикостанском обществе, довольно различно, что объясняется историческими, географическими и политическими причинами. Однако, несмотря на яркую специфику каждой из указанных групп, существуют общие для них все проблемы: непризнание этнической самобытности и ценности их языков и культуры со стороны государства, отсутствие государственной поддержки в области образования, слабая представленность в государственных органах. Декларируемый общий курс Таджикистана на создание «единой нации» (со ссылкой на трагические последствия разобщенности населения, приведшие к гражданской войне), в сочетании с клановостью во власти, приводит к пренебрежению культурными потребностями и социальными нуждами этнических меньшинств, что, в свою очередь, влечет явную или скрытую дискриминацию, приобретающую различные формы в случае каждой конкретной этнической группы.

Джуги (или люли, центральноазиатские цыгане, самоназвание мугат) — группа, в прошлом ведшая кочевой образ жизни, нередко и сейчас мигрирующая с целью заработка внутри Таджикистана и за его пределы. Согласно переписи населения 2010 года, число джуги в Таджикистане около 2500 человек, однако есть основания полагать, что в реальности их значительно больше. Типичные проблемы этой общины — ситуация структурной дискриминации, низкий уровень образования, крайняя бедность, безработица, жизнь в незарегистрированных жилищах с постоянным риском сноса жилищ и выселения, вредные традиционные практики (ранние браки по сговору, многоженство, эксплуатация детей, занятие попрошайничеством), мультидискриминация женщин и девочек. Джуги остаются презируемой маргинальной группой, дискриминация по отношению к этой общине и необходимость принятия комплексной государственной программы по улучшению ситуации отрицается властями Таджикистана.

Памирцы — представители ряда народов, населяющих обширную высокогорную местность на востоке Таджикистана (шугнанцев, рушанцев, ваханцев, ишкашимцев, язгулямцев и некоторых других), говорят на своих языках, визуально узнаваемы и в плане культуры отличаются от этнического большинства, в основном исповедуют ишмаилитскую религию (ветвь шиизма), в отличие от большинства населения Таджикистана — мусульман-суннитов. Численность населения Горно-Бадахшанской автономной области, где живут памирцы, — около 214 тыс. чел. (2015).¹ Значительное влияние

¹ Численность населения РТ на 1 января 2015 года. Агентство по статистике при президенте РТ. http://www.stat.tj/ru/img/65a709121baf8a64bf15d33f398aafde_1435736807.pdf

на памирцев как в регионе, так и в Таджикистане в целом оказывает деятельность Ага-хана IV, религиозного лидера исмаилитов (инвестиции в образование и культуру, гуманитарная помощь). Во время гражданской войны 1992-1997 гг. жители Памира участвовали в конфликтах, а в 2012 году в Хороге (столица Горно-Бадахшанской автономной области) и окрестностях имело место вооруженное противостояние армии Таджикистана и местного населения, воспринятое памирцами как репрессия по отношению к ним. В силу указанных особенностей, предвзятое отношение к памирцам включает этнический, культурно-языковой, религиозный и политический аспекты: их выделяют визуально и по языковому признаку, считают «не такими» мусульманами, подозревают в сепаратистских настроениях. Многие памирцы чувствуют себя чужими в стране, в целом памирцы более подвержены миграции, чем жители других регионов.

Ягнобцы — исторически жители высокогорных изолированных населенных пунктов в долине реки Ягноб. В 1970-е годы они были принудительно переселены в другие районы Таджикистана, где ныне живет абсолютное большинство ягнобского населения страны (общая численность ягнобцев, по различным источникам, от 5000 до 15000 чел.). Ягнобский язык и культура оказались под угрозой исчезновения, должной государственной поддержки не получают и немногочисленные (менее 1 тыс. чел.) жители Ягнобской долины.

Этот отчет основан на полевых материалах, собранных в Таджикистане в 2017 году, а также на открытых источниках. В отчете цитируются слова представителей как описываемых меньшинств, так и этнического большинства.

ДЖУГИ

«Джуги — у них очень низкий статус в обществе. Их все избегают, с ними никто не хочет иметь ничего общего».

Житель Душанбе.

«Мы — цыгане, сами себя называем «мугат». А в паспорте — смотрите: нам написали нацию «джуги», а в переводе на русский — «цыган». И мы не отказываемся. Почему мы должны отказываться от своей нации?»

Мужчина-джуги, житель Худжанда.

Джуги (или люли, центральноазиатские цыгане, самоназвание мугат) живут во многих населенных пунктах Таджикистана, иногда в компактных поселениях, иногда — среди этнического большинства. В целом положение общин джуги в Таджикистане можно назвать исключенным: они живут изолированно, окружающее население исполнено негативных стереотипов о джуги («грязные», «попрошайки», «мужчины никогда не работают»); по поводу образа жизни, обычаев и культуры джуги широко распространены ложные сведения, тиражируемые в СМИ и произведениях массовой культуры («у джуги женщины во время свадебного обряда дают клятву содержать мужчин», «джуги на самом деле очень богатые» и т.п.).

Дискриминация джуги и необходимость принятия комплексной государственной программы по улучшению их положения отрицается властями Таджикистана: так, в актуальном государственном отчете в КЛРД в ответ на предыдущие рекомендации Комитета (п.13 Заключительных замечаний) сообщается — со ссылкой на специально проведенное научное исследование, — что «в Республике Таджикистан нет необходимости разрабатывать и принимать Стратегию с целью улучшения положения рома (цыган — люли), обеспечения их защиты от дискриминации и стигматизации и поощрения их прав на образование, занятость, жилье и здравоохранение, так как в Республике Таджикистан не допускается дискриминация по национальности или вероисповеданию, и представители каждой нации и расы независимо от их гражданства в соответствии с законодательством имеют равные права наравне с гражданами Республики Таджикистан».²

Из этого ответа, в числе прочего, следует, что джуги воспринимаются достаточно отчужденно, как носители прав «наравне с гражданами Таджикистана». Из наших полевых опросов следует, что указание в паспортах национальности «джуги» считается самим собой разумеющимся и даже обязательным как таджиками, так и самими джугами, и то, что они «не таджики» по паспорту, никогда не ставится джугам в вину (в отличие, например, от памирцев, к которым нередко предъявляют претензии по поводу их иной, «нетаджикской» идентичности и, напротив, не указывают национальность «памирцев» в паспортах). Удивление и иногда неприятие вызывает обратная ситуация: когда в паспортах джуги значится национальность «таджик». При переписи населения РТ 2010 года «цыгане» были выделены в отдельную категорию, а памирцы (и ягнобцы) были включены в число «таджиков».

² Девятый-одиннадцатый доклады Республики Таджикистан в КЛРД, 2016 (CERD/ С/ТЖ/9-11). П.33.

Джуги — вопреки утверждениям властей Таджикистана — дискриминируются во всех сферах: необеспеченность личными документами, низкий уровень образования, безработица, недостаточный доступ к ресурсам, социальным услугам, медицинской помощи, крайняя бедность составляют порочный круг, из которого без проактивных мер невозможно вырваться. Помимо дискриминации извне, на положении особенно уязвимых групп — женщин и детей — пагубно отражаются вредные традиционные практики (ранние браки по сговору, многоженство, эксплуатация детей, занятие попрошайничеством).

Нерешенной остается проблема обеспечения джуги личными документами. Документирование детей осложняют отсутствие паспортов у родителей; домашние роды; невозможность оплатить госпошлины и штрафы за несвоевременное оформление документов из-за крайней бедности; отсутствие регистрации по месту жительства и вообще постоянного жилья; при наличии жилья — невозможность оплатить налоги, без чего не местные государственные органы не выдают справок, необходимых для регистрации ребенка. Штрафы за несвоевременное оформление свидетельств о рождении детей и паспортов возрастают пропорционально просроченному времени, поэтому оформить эти документы становится все сложнее.

Опросы в местах компактного проживания нескольких тысяч джугов в Вахдатском, Гиссарском и Шахринавском районах показали, что нередко у взрослых людей, уже имеющих детей, в лучшем случае есть только свидетельство о рождении (паспорт отсутствует), что препятствует получению документов на детей. При достижении школьного возраста возникает повод оформления свидетельств о рождении детей, поскольку органы управления образованием контролируют школы в вопросе охвата детей обучением и сотрудники школ вынуждены, чтобы избежать нареканий со стороны начальства, оказывать семьям помощь в документировании. В деле оформления документов детям и взрослым учителя фактически играют роль медиаторов между общинами джугов и государственными органами, хотя эта работа не входит в их обязанности и никак не оплачивается.

Есть случаи, когда и так недостаточные документы представителей джуги уничтожают сотрудники полиции:

Житель одного из компактных поселений джуги, отец шестерых детей, сообщил, что в марте 2017 года его «метрику» (свидетельство о рождении) отобрали и порвали сотрудники полиции, задержавшие его на базаре за попрошайничество. Восстановить документ помог учитель местной школы. Паспорта у этого человека так и нет.

Отсутствие государственной поддержки в вопросах документирования приводит к тому, что паспорта получают далеко не все из нуждающихся в этом взрослых жителей общин мугат, а дети без документов лишены доступа к пособиям, медицинской помощи и образованию. В нередких случаях задержания детей джуги за попрошайничество и помещения их в детский приемник родителям трудно забрать детей, поскольку документов ни у кого из них нет.

Авторы этого отчета в мае 2017 года были свидетелями того, как женщины-джуги, жительницы компактного поселения на окраине Душанбе, пытались забрать из детского приемника-распределителя 12-летнего мальчика, задержанного накануне на улице, однако у матери мальчика документов не было, у бабушки, заявлявшей, что она заботится об этом ребенке, не было доказательств родства с ним, и никто не мог предоставить документы ребенка.

Сотрудники приемника пояснили, что предстоит установление личности ребенка и его родства с матерью или другим родственником путем запроса в органы местной исполнительной власти, и ребенок может провести в приемнике до 30 суток.

Актуальна для джугов Таджикистана и другая типичная проблема ромских/цыганских компактных поселений на территории бывшего СССР: отсутствие регистрации по месту жительства, проживание в незарегистрированных жилищах, риск потери жилья в случае, если земля, на которой расположены незарегистрированные дома, оказалась в сфере бизнес-интересов. Например, в конце 2014 года на месте поселения джуги в Пенджикентском районе собирались строить гостиницу, а официально зарегистрированы были лишь 12 из около 200 домохозяйств. Неблагоустроенные и не обеспеченные водой участки для постройки новых жилищ выделялись в сельском джамоате Саразм, однако большинству жителей альтернативы переселения предоставлены не были.³

В ряде компактных поселений джуги недостаточен доступ к ресурсам. Например, жители поселения Абдулобод Гиссарского района вынуждены покупать питьевую воду, а за водой для прочих нужд ходить к реке на довольно большое расстояние.

Неполучение качественного школьного образования детьми-джуги остается острой проблемой. Наиболее распространена ситуация, когда в начальной школе, расположенной вблизи компактного поселения, учатся исключительно дети джуги, однако, по нашим наблюдениям, даже начальным образованием охвачены далеко не все дети (в том числе по причине недокументированности). Почти все опрошенные нами девочки школьного возраста и молодые женщины не ходили в школу никогда, а мальчики в лучшем случае ходили в начальную школу.

Вместо того, чтобы предпринимать меры по интеграции детей-джуги в среднее образование с другими детьми, в некоторых поселениях идут по пути превращения существующих сегрегированных начальных школ в средние. Так, например, в одном из них бывшая начальная школа, где обучение исключительно детей-джуги ранее происходило с 1-го по 4-й классы, ныне обучает с 1-го по 6-й классы; планируется довести ее до обязательного 9-летнего образования. При этом в школьном здании имеется лишь три небольших классных комнаты, обучение ведется в две смены.

Переход детей джуги в средние школы, расположенные вне компактных поселений, почти не происходит: по причине удаленности школ, бедности, слабого контроля за посещаемостью школы, недостаточных мер по интеграции детей-джуги в новое школьное окружение. Существенная причина еще и в том, что качество получаемых знаний при сегрегированном обучении не соответствует стандартам, поэтому дети после начальных классов массово уходят из школы, даже если они хотели бы продолжить образование: они часто не получают поддержки ни со стороны семьи, где приоритет образования традиционно низкий, ни со стороны школы и иных государственных институтов.

В тех школах, где обучение детей-джуги ведется совместно с прочими учениками, они доучиваются до старших классов. Например, в одной такой школе в Худжанде в 10-м и 11-м классах учатся несколько мальчиков. Однако даже в случае совместного обучения число детей-джуги в школе непропорционально мало, особенно среди девочек, которых в средних и старших классах почти нет.

Дети джуги становятся жертвами вредных традиционных практик: это эксплуатация (вовлечение в попрошайничество, домашний труд, работу вне дома — сбор металлолома, сухого хлеба, сортировка мусора), ранние браки, многоженство.

³ Результаты исследования по проекту фонда Евразия Центральная Азия (2013).

Авторы этого отчета могли убедиться, что многоженство существует в общинах джуги, при этом обряд религиозного бракосочетания, по словам информантов, совершается со всеми женами. Жены в полигамных семьях не имеют представления о юридических аспектах своего положения, о последствиях возможного развода, о трудностях при регистрации детей. Например, одна из респонденток (первая жена) была уверена, что брак с как с ней, так и со второй женой ее мужа был зарегистрирован в загсе. Положение вторых и третьих жен в полигамных семьях плачевно: например, мы зафиксировали, что в одной такой семье вторая жена вообще не выходила из дома, занимаясь домашней работой взаперти. В другой семье вторая жена, несовершеннолетняя девочка, при необходимости выйти из дома (в магазин, за водой) полностью закрывала лицо, ни с кем не разговаривала.

Действующий Уголовный кодекс РТ (1998) в отношении перечисленных выше противоправных деяний довольно репрессивен и содержит статьи, карающие за «воспрепятствование получению основного обязательного общего (девятилетнего) образования» (статья 164), «вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий», в том числе попрошайничество, бродяжничество и проституцию (статья 166), «выдачу замуж девочки, не достигшей брачного возраста» (статья 168), «заключение брака в отношении лица, не достигшего брачного возраста» (статья 169), «двоеженство или многоженство» (статья 170), «невыполнение обязанности по воспитанию несовершеннолетнего» (статья 174). Эти статьи предусматривают санкции в виде штрафов, принудительных работ и ограничения свободы, но в отношении джугов они почти никогда не применяются. В известном смысле представителям власти «удобно» считать, что эти практики — «национальная традиция», в которые не следует вмешиваться; кроме того, лишение девочек права на образование, ранние браки, полигамия распространены и среди таджиков, особенно в сельской местности, в общественном мнении они не считаются преступлением против детства.

Мировой опыт показывает, что снижение брачного возраста, уровня эксплуатации детей и их вовлеченности в антиобщественные действия находятся в прямой зависимости от их интеграции в школы. Поэтому наиболее действенны для прекращения вредных традиционных практик не репрессии, а позитивные меры поддержки образования детей.

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Принять и реализовать государственную программу комплексной поддержки этнического меньшинства джуги: гарантировать их документирование, регистрацию по месту жительства, легализацию жилищ, доступ к ресурсам, медицинской и социальной помощи. Особое внимание следует обратить на обеспечение прав детей, особенно девочек, обеспечив им доступ к качественному образованию, защиту от эксплуатации и вредных традиционных практик. Необходимо развивать просветительские программы, направленные на преодоление отчуждения мугат и их исключенности из таджикостанского общества, на борьбу с вредными традициями, — используя не репрессии, а методы просвещения и убеждения. Следует поощрять проекты общественных организаций по продвижению толерантности и солидарности с уязвимыми группами населения.

ПАМИРЦЫ

«Многие хотят писать в графе национальности «памирец», но увя. Нам никак нельзя, потому что считают, что мы таджики испокон веков.

Это так принято. Просто в паспортном столе вписывают «таджик», и все. Они считают что «памирец» — нет такой национальности, хотя мы отличаемся во всем и есть свой язык».

Памирец

«Я здесь вообще боюсь: хотя мы живем в большом городе, в многоэтажном доме, — все про всех знают, кто есть кто. Я платок не ношу, одеваюсь по-европейски — соседи косо смотрят, отмечают это. Дети вышли играть во двор — старшего сына мальчишки побили, кричали «помири, помири!» («памирец, памирец»). И в школе, бывает, дразнят. Никаких «уроков дружбы» не проводится. Пока вроде все тихо-мирно, но если какие-то беспорядки начнутся — нас тут первыми перестреляют».

Памирка, многодетная мать, жительница Душанбе

«Если у памирца спросить, кто он, он никогда не скажет: «Я таджик».

Он себя как таджик не воспринимает — он памирец, хотя у него таджикский паспорт. Они вообще другие — разницу трудно объяснить: например, гостей принимают по-другому. Мы, таджики, более уважительные, что ли. У них все учатся, женщины имеют высшее образование, ведут себя свободно. Браки смешанные бывают, но они распадаются — слишком большая разница в воспитании. Моя сестра была замужем за памирцем, но они быстро развелись».

Таджичка, жительница Душанбе

Предвзятое отношение к памирцам и стереотипы о них базируются на ряде факторов. **С одной стороны**, опрошенные нами информанты утверждали, что можно легко опознать представителей памирских народов: по визуальным антропологическим признакам, по языку (акцент в таджикском, разговор на родных языках), по отсутствию внешнего выражения привычной религиозности (женщины-памирки часто не носят платок, одеваются по-европейски), в ситуации, когда предъявляются документы, — по месту рождения, указанному в паспорте.

«Как узнать? Если видишь женщину без платка — точно памирка. А мужчин — ну как-то все равно сразу видно, что это не наши».

Таджик

«Конечно, сейчас уже нет такого, как во время гражданской войны, когда за разговор на родном языке могли убить. После войны памирцы вообще боялись говорить по-своему на улице, в транспорте, на базаре. Мы, например, сейчас в Душанбе спокойно говорим по-шугнански, а уж на Памире тем более. Но нередко можно слышать, как нас обзывают: «Вы — гансы!». Это потому, что наш язык на слух похож на немецкий, нам даже легко немецкий учить, звуки похожие. Но нас определяют по акценту — мы по-таджикски говорим с очень узнаваемым акцентом».

Памирка, преподаватель

«Нас часто обзывают «гансами», даже в чисто бытовых ситуациях. Например, я был в банке (он считается «памирским»), там была большая очередь. И один мужчина, таджик, очень рассердился, что ему приходится долго ждать, и закричал: «Банк ваш фуфловый, и вообще вы здесь все гансы!». Хлопнул дверью и ушел. Я, признаться, с трудом сдержался, чтобы ему не ответить».

Памиреи, сотрудник коммерческой фирмы

С другой стороны, негативная оценка манеры одеваться и вообще поведения женщин, отношения памирцев к женщине — это часть стереотипов о народных традициях памирцев и об исмаилизме, о котором, как мы могли убедиться, этнические таджики-сунниты имеют очень смутное и нередко искаженное представление. Распространены такие стереотипы, как «памирцы пьют водку», «памирцы не делают обрезание», «у них не осуждается инцест». Негативно воспринимается то, что у исмаилитов во время молитвы женщины и мужчины находятся в одном помещении (хотя и сидят разными группами).

«Про нас говорят всякие глупости, никто толком не знает нашей культуры, нашей религии. Да, мы молимся не пять раз в день, женщины молятся вместе с мужчинами, мы не держим Рузу. За это нас обзывают «кафирами», то есть «неверными».

Памиреи, частный предприниматель

Религиозный лидер исмаилитов в своих регулярно рассылаемых посланиях провозглашает ценность образования и призывает обращать особое внимание на образование девочек и женщин. Относительная свобода памирских женщин, их большая эмансипированность по сравнению с ситуацией в средней таджикской семье в глазах патриархального таджикистанского общества оценивается негативно.

«Мне 35 лет — и мои родители не заставляют меня выходить замуж, одобряют, что я получила высшее образование, развиваюсь, выучила английский язык, работаю. Для таджиков это нетипично: у них главное, чтобы девушка вышла замуж, была только домохозяйкой и матерью».

Памирка, сотрудница Исмаилитского центра

«Моя дочка дружит с соседскими девочками-таджичками, так у них уже все разговоры про замужество. Родители так настраивают. А им по 10 лет только! Я вот думаю, что мне свою дочку надо ограждать от таких разговоров. Я говорю с матерями: учите детей, почему только «замуж, замуж»? А они говорят «Это вы, памирцы, привыкли учиться, а у нас так не принято».

Памирка, домохозяйка

«У нас, памирцев, женщина не атрибут, не дополнение к мужчине, она может высказывать свое мнение. Это недопустимо для таджиков».

Памирка, сотрудница международной организации

Опрошенные нами памирцы поддерживают усилия правительства Таджикистана по противодействию радикальному исламу, считая его угрозой для мирного сосуществования религиозных групп в Таджикистане и конкретно для собственной безопасности.

«На бытовом уровне к нам очень много презрения именно потому, что мы исмаилиты. Слова «шиит, сектант, исмаилит» используют как ругательства. После войны и кризисов у нас образовались целые поколения необразованных люмпенов, и этот вакуум необразованности стал заполняться религиозными идеологиями, особенно с салафитским влиянием. Они очень нетерпимы к нашей религии».

Памиреи, предприниматель

Памирцы готовы мириться с системой государственного управления в Таджикистане «в обмен» на то, что власти не будут чинить исмаилитам препятствий для свободного исповедания их религии, тем более что в своих посланиях религиозный лидер исмаилитов призывает единоверцев к законопослушанию и неконфликтности с властями. Наши респонденты высоко ценят то, что власти Таджикистана разрешили строительство Исмаилитского центра в Душанбе и не противодействуют его просветительской деятельности.

Наконец, еще один аспект стереотипно негативного восприятия памирцев в Таджикистане связан с событиями недавней истории страны: гражданской войной 1992-1997 гг. и вооруженным противостоянием армии и населения Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) во время военной операции в июле 2012 г. Определенная часть памирцев же восприняла события в Хороге как попытку этнической чистки, агрессию в отношении народа в целом. Памирцев, в свою очередь, нередко воспринимают как бунтарей, угрожающих «национальной безопасности» и «целостности страны».

Независимый мониторинг, проведенный правозащитными организациями Таджикистана по следам хорогских событий в начале 2013 года, зафиксировал серьезные нарушения прав человека: население региона находилось в информационном вакууме, во время военной операции была отключена мобильная связь, отмечены случаи использования мирных жителей как «живого щита», эффективное расследование гибели мирных жителей не было проведено, не была дана правовая оценка действиям военных и официальных лиц, санкционировавших военную операцию и принимавших в ней участие, военной операции, не был возмещен материальный ущерб.⁴

Последствия противостояния 2012 г. до сих пор не преодолены, напряженность и недоверие между представителями памирцев и этнического большинства имеет место, что усиливает и так значительный отток памирцев из Таджикистана (трудовая миграция в соседние страны, эмиграция).

Сотрудники АДЦ «Мемориал» были свидетелями того, как на международной конференции, проходившей в Брюсселе (2015), представитель Таджикистана заявил, что государство заинтересовано в миграции как можно большего числа памирцев. Подобные высказывания на официальном уровне не отмечены, но наши респонденты допускают, что выдавливание памирского населения из Таджикистана может быть негласной целью правительства.

«Действительно, Бадахшан воспринимается как ахиллесова пята Таджикистана, это как Северный Кавказ в России: малочисленное население, объединенное исмаилизмом, идентифицирующее себя как «памирцы», лучше образованное, способное к быстрой мобилизации. В других частях Таджикистана этого нет — там оппозиционных лидеров давно уничтожили. Плюс патронирование Ага-хана. Все это вызывает огромное раздражение властей, и я не удивляюсь, что они хотели бы нас всех послать в миграцию. Только в Москве и Московской области живут, по неофициальным данным, до 40 тыс. памирцев, это огромный пласт населения. Если они все вернуться и будут требовать изменений — это будет взрывоопасная ситуация. В миграцию едут люди активного возраста, с мобильным потенциалом, — они могут выйти на протест. Вообще, очень плохо, что миграция стала единственным фактором развития экономики Таджикистана, хотя никакого настоящего развития нет — в плане зарплат, социальных вы-

⁴ Мониторинг соблюдения прав человека в связи с проведением специальной операции 24 июля 2012 г. в городе Хорог, ГБАО. Душанбе, 2013. http://www.notorture.tj/sites/default/files/articles/2015/files/monitoring_ru11_09.pdf

плат, новых рабочих мест. Если Россия перекроет границу, тут будет такой же ужасный кризис, как в 90-е. Наши власти кивают на последствия гражданской войны — но 25 лет прошло, а с тех времен вообще ничего не изменилось в экономике! А из истории мы знаем, что после 2-й мировой войны страны Европы восстановились за 10 лет».

Памирец, сотрудник коммерческой фирмы, житель Москвы

Респонденты отмечали, что автономия ГБАО во многом номинальная: местный парламент имеет мало полномочий даже в экономической сфере. Большинство наших информантов считает представительность памирцев в органах власти неадекватной, особо отмечая, что этнических памирцев не допускают к должностям в силовых структурах даже на территории ГБАО.

«Есть у нас министры из памирцев — министр культуры, например, но это не самая принципиальная должность. Министр транспорта — говорят, его назначили, потому что надо решать серьезные проблемы, нужен настоящий профессионал, а мы, памирцы, как раз и славимся тем, что мы образованные. В основном, памирцы если и есть на государственных должностях, то не выше первого заместителя, и это именно те работники, на которых все держится. К силовым структурам нас вообще не допускают — даже на Памире. Нам не доверяют, считают, что мы какие-то сепаратисты, хотя для этого нет вообще никаких оснований. Они думают, что если случится форс-мажор, то памирцы могут занять позицию другой стороны. Особенно это обострилось после 2014 года, когда Россия захватила Крым и началась война в Украине. На нашу власть это очень повлияло. У памирцев вообще большие симпатии к России, к русским, так исторически сложилось».

Памирка, преподавательница

«Ущемления при кадровой политике касаются не только памирцев — у нас вообще у власти находятся определенные кланы, причем по географическому принципу. Даже была поговорка: «Куляб правит, Худжанд охраняет, Памир танцует». Это значит, что органы власти и силовые структуры — это как бы не для нас. Памирцам дают номинальные, фасадные должности».

Памирец, предприниматель, житель Душанбе

Национальная политика Таджикистана основана на идее примирения, сглаживания противоречий между различными группами населения в рамках единой политической нации «таджики», ссылки на гражданскую войну 1992-1997 гг. и необходимость недопущения конфронтации, которая может привести к новой гражданской войне, остаются частью общественно-политического дискурса. При этом, по мнению наших информантов, ценность культуры национальных меньшинств не признается в достаточной мере, что, при декларировании равенства всех этносов, приводит к подмене понятия «таджики как политическая нация» понятием «таджики как этнос».

«Не сложилась политическая нация «таджикистанцы», у нас говорят «таджики». Но таджики — это же этнос, народ. Получается, есть таджики — и есть все остальные. Здесь говорят: «Я по нации таджик». Мы не согласны быть «таджиками», мы этноконфессиональная группа и нуждаемся в признании. Сейчас на официальном уровне очень аккуратно нас подвигают к ассимиляции, не подчеркиваются особенности нашей культуры, стараются сделать так, чтобы мы никак не выделялись, не высовывались».

Памирец, сотрудник коммерческой фирмы, житель Москвы

Как угрозу намеренной постепенной ассимиляции воспринимают памирцы отсутствие государственной поддержки памирских языков, исключенность памирских языков из системы школьного образования и официальной сферы употребления (государственные учреждения, суды, документооборот).

«Нет поощрения наших языков, поэтому и у народа нет запроса, некоторые начинают считать памирские языки «вторым сортом». Как у нас говорят, «наши языки нужны до аэропорта Хорога, а дальше не нужны».

Памиреи, творческий работник.

Если для языков с относительно малым числом носителей вообще не разработаны системы письменности и учебные пособия, то для шугнанского языка — наиболее мощного по числу говорящих и служащего языком общения между рядом памирских народов — все это есть, однако в школах никак не используется (преподавание осуществляется на таджикском языке, в некоторых частных школах — на английском). Академическое изучение языков и культуры памирских народов происходит только при поддержке частного фонда Ага-хана.

«Я не знал таджикского языка, когда пошел в школу, я был, как иностранец. Постепенно, постепенно переходил на таджикский язык. Букварь шугнанского языка внедряли в школах, но потом перестали. Хотя в идеале, конечно, начальное образование должно быть на родном языке, это ученые доказали».

Памиреи, предприниматель, житель Душанбе.

«Мы, наверное, какие-то гении: в школу идем со знанием только родного языка, учимся на таджикском, как на иностранном, потом русский изучаем, английский... Вообще странно: ученики памирцы, учителя памирцы, а в школе друг с другом говорим по-таджикски, потому что все предметы на таджикском».

Памирка, сотрудница международной организации.

Отношение государства к проблеме малых бесписьменных языков иллюстрируют цитированные СМИ слова Додихудо Саймиддинова (2011), бывшего председателя Комитета по языку и терминологии: «Они постоянно говорят, что не хватает финансирования. Тысячелетиями эти языки существуют, кто-нибудь их финансировал? Я знаю, что специалисты этих языков через международные организации получают гранты для развития наречий. О многих грантах правительство даже не знает. Если хотите сохранить свои языки — действуйте. Закон дает вам возможность».⁵ Очевидно, что ссылки на законодательную возможность поддержки языков без финансирования таких мер выглядят абсурдно.

В 2015 году нынешняя председатель Комитета по языку и терминологии при правительстве Республики Таджикистан Гавхар Шарофзода признала угрозу исчезновения памирских и ягнобского языков и анонсировала создание рабочей группы по изучению этих языков и открытие курсов для всех желающих.⁶ Однако о дальнейших действиях государства в этой области ничего не известно.

Отсутствие книг и периодических изданий, теле- и радиовещания на памирских языках памирцами тоже воспринимается как часть государственной политики по сокращению сферы употребления памирских языков. Программы местного филиала радио

⁵ Таджикистан теряет свои древние языки. 28.04.2011
http://www.bbc.com/russian/society/2011/04/110427_tajik_dying_languages.shtml

⁶ Репортаж с пресс-конференции Комитета по языку и терминологии. 28.07.2015.
<https://rus.ozodi.org/a/27156356.html>

«Имруз», вещавшего несколько часов в день на шугнанском и других памирских языках (январь-февраль 2014 года), имел большую популярность среди населения Горного Бадахшана, однако через короткое время филиал был закрыт «по техническим причинам». Многие памирцы уверены, что в реальности решение о прекращении радиовещания было принято центральной властью.

«Я думаю, это было политическое решение из Душанбе, с самого верха. Радио закрыли по идеологическим причинам. Они боятся, что если дать региону саморазвиваться, то он объявит свою независимость и уйдет от Таджикистана. Хотя это глупость: два часа в день или передачи, много музыки — кому это мешало?»

Памирец, работник сферы искусств

РЕКОМЕНДАЦИИ

Правительству Таджикистана следует разработать и систематически реализовать просветительские программы, рассказывающие жителям Таджикистана об особенностях памирской культуры и исмаилитской религии, целью которых должно стать преодоление негативных стереотипов о памирцах. Необходима государственная поддержка мер по сохранению и развитию памирских языков: финансирование академических исследований, периодических изданий и книг, учебных пособий; разработка и поддержка существующих систем письменности, внедрение учебных пособий на памирских языках в школьную программу; радио- и телевещание на памирских языках.

ЯГНОБЦЫ

Принудительное массовое переселение ягнобцев из мест традиционного проживания в 1970-е годы воспринимается ими как трагическая страница истории народа, как события, поставившие культуру и язык ягнобцев под угрозу исчезновения. До сих пор государством было сделано крайне мало для поддержки как существования ягнобцев в тяжелых условиях высокогорной местности (создание инфраструктуры, улучшение транспортной доступности, доступа к медицинским и социальным услугам), так и сохранения и развития ягнобского языка и образования на нем. Создание природно-этнографического парка в Ягнобской долине не состоялось, фиксация материальной и духовной культуры ягнобцев осуществляется силами негосударственных организаций.

Преподавание на ягнобском языке, а также уроки ягнобского языка в школах вне Ягнобской долины (например, в Зафарободском районе) не ведется, хотя для этого языка создана письменность и учебные пособия и у населения есть запрос на такое образование. В Ягнобской долине существует проблема доступа детей ягнобцев к полному среднему образованию (как правило, дети заканчивают лишь начальную школу).

РЕКОМЕНДАЦИИ

Правительство Таджикистана должно принять меры по поддержке ягнобцев как в местах исторического проживания (Ягнобская долина), так и в местах, где большинство ягнобцев оказались после принудительного переселения. В Ягнобской долине следует развивать инфраструктуру, реализовывать программы по поддержке занятости местного населения. Необходимы меры по сохранению и развитию ягнобского языка: финансирование академических исследований, научных изданий, учебных пособий; включение ягнобского языка в школьную программу.

Anti-Discrimination Centre «ADC Memorial»

facebook: [adcmemorial](#)

twitter: [@adcmemorial](#)

[adcmemorial.org](#)

